

УДК 316.347

Абрамов А. В., Буров А. С., Бхагват Джавахар Вишну, Габдулина Б. А., Джанаева А. Э., Калфаоглу Рабия, Капицын В. М., Ким Чжуёнг, Кокурина О. Ю., Костина А. М., Сергазин Е. Ф., Шао Цзянина, Шапаров А. Е.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИЗИСОВ

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью настоящего исследования является ознакомление научного сообщества с основными результатами международной научно-практической конференции «Национальная идентичность и патриотизм в государствах в условиях международных кризисов», состоявшейся 28 октября 2022 г. и организованной кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова при поддержке электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета».

Процедуры и методы. В статье приведены тезисы выступлений участников конференции, посвятивших свои доклады проблемам национальной идентичности и патриотизма. Авторами являлись исследователи из МГУ имени М. В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Института социологии ФНИСЦ РАН, Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск), Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан), Университета Мумбаи (Республика Индия), Университета имени Таира Реджепа Эрдогана (Турецкая республика).

Результаты. На материалах России, Казахстана, Туркмении, Грузии, Беларуси, Латвии, Китая и Республики Кореи выступавшие показали широкий спектр проблем национальной идентичности и патриотизма. Основное внимание было уделено актуальным вопросам формирования национальной идентичности и патриотизма, специфике национальной идентичности в России и постсоветских странах, влиянию стигматизации, фрагментирующей национальную идентичность и маргинализирующей дискурс патриотизма.

Теоретическая и практическая значимость. Опубликованные материалы имеют существенное теоретическое и практическое значение в деле обеспечения суверенитета России и других государств, сохранения и развития национальной идентичности и патриотического воспитания граждан в условиях воздействия деструктивных социально-политических технологий. Выводы и рекомендации исследователей могут способствовать решению актуальных политических, образовательных и воспитательных задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная идентичность, гражданская идентичность, патриотизм, российский патриотизм, суверенитет, политическая культура, международный кризис

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научных проектов – № 122101100029-3 «Государственная политика формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ» и № 1022061600330-2-5.9.1 «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов».

СТРУКТУРА

Вступительное слово

Национальная идентичность и патриотизм России под действием западной стигматизации

Национальный суверенитет как фундаментальный культурно-исторический принцип существования и развития российской государственности

Арктика как фактор формирования национальной идентичности России

Утверждение России как морской державы в Арктике

Контекст национальной идентичности коренных малочисленных народов Российской Федерации в рамках критического дискурса

Метаморфозы национальной идентичности и патриотизма в постсоветских государствах

Условия и механизмы формирования современной казахстанской идентичности

Особенности патриотического воспитания в КНР

Сообщество единой судьбы человечества: идея, перспективы, идентичность

Национальная идентичность в Республике Корея

Трансформация национальной идентичности в условиях гуманитарных интервенций

Заключение

Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, Gabdulina B. A., Janaeva A. E., Kalfaoglu Rabiya, Kapitsyn V. M., Kim Chueng, Kokurina O. Yu., Kostina A. M., Sergazin E. F., Shao Jianina, Shaparov A. E.

NATIONAL IDENTITY AND PATRIOTISM IN CONDITIONS OF INTERNATIONAL CRISES

ABSTRACT

Aim. To introduce the scientific community to the main results of the international scientific and practical conference "National Identity and Patriotism in States in the Conditions of International Crises" which was held on October 28, 2022 and organized by the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University with the support of the electronic network publications "Bulletin of the Moscow Region State University".

Methodology. This article presents the abstracts of the speeches of the conference participants who devoted their reports to the problems of national identity and patriotism. The authors were researchers from Moscow State University named after M. V. Lomonosov, INION RAS, Institute of Sociology FNIIS RAS, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk), Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Republic of Kazakhstan), University of Mumbai (Republic of India), University of Tair Recep Tayyip Erdogan (Republic of Turkey).

Results. Using materials from Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Georgia, Belarus, Latvia, China and the Republic of Korea, the speakers showed a wide range of problems of national identity and patriotism. The main attention was paid to the topical issues of the formation of national identity and patriotism, the specifics of national identity in Russia and post-Soviet countries, the impact of stigmatization that fragments national identity and marginalizes the discourse of patriotism.

Research implications. The published materials are of significant theoretical and practical importance in ensuring the sovereignty of Russia and other states, preserving and developing national identity and patriotic education of citizens under the influence of destructive socio-political technologies. The conclusions and recommendations of the researchers can contribute to the solution of urgent political, educational and educational problems.

KEYWORDS

national identity, civic identity, patriotism, Russian patriotism, sovereignty, political culture, international crisis

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of scientific projects – No. 122101100029-3 «State policy of formation of national identity and patriotism in the context of the modern world order transformation: a comparative analysis» and No. 1022061600330-2-5.9.1 “Factors of sustainable development of Russian statehood in the context of modern global challenges”.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Крушение СССР и социалистического блока оказало серьезнейшее влияние на развитие национальных культур, сознания и самосознания граждан подавляющего большинства государств мира, а также сделало безальтернативной западную модель глобализации. Её характерными чертами, помимо многих прочих, стали идеология потребления, игнорирование национальной специфики, истории и культуры. Внедряемые Западом стандарты и эталоны поведенческих реакций не могли не вызвать отторжения в незападных обществах. Тем не менее с течением времени навязывание остальному миру западных ценностей не только не ослабело, но, напротив, усилилось, став в настоящее время своеобразной «религиозной войной», разворачивающейся, впрочем, под постсекулярными знамёнами.

Сегодняшнее западное видение проблем гендера, сексуальной жизни, демократии, истории, правил внутренней и внешней политики провозглашается единственно верным. Иные, чем у Брюсселя и Вашингтона, варианты даже не рассматриваются, а лидеры стран, выступающие с ревизионистских позиций, подвергаются обструкции и стигматизации. В качестве примера можно вспомнить реакцию западного истеблишмента на Мюнхенскую речь Президента России В. В. Путина 2007 г.

Навязывание странам однополярного миропорядка не могло не вызвать серьёзного международного кризиса, который мы сегодня и наблюдаем. Но, как любой новый процесс, разворачивающийся на наших глазах, кризис ев-

роатлантической модели глобализации нуждается в научном осмыслении и анализе. Задача крайне сложная, во-первых, в силу незавершённости самого процесса, а во-вторых, в связи с масштабностью происходящих перемен. И первое, и второе обстоятельства заставляют нас сузить поле своего исследования, сконцентрировав внимание на изучении эволюции патриотизма и национальной идентичности, являющихся «ответом» на навязываемые извне идеи глобального космополитизма и интернационализма.

В рамках реализации данной цели логично определить три направления исследования:

1) изучение процесса национального строительства, формирования патриотизма и национальной идентичности в современной России (этому посвящены выступления В. М. Капицына, О. Ю. Кокуриной, А. Е. Шапарова, Б. Вишну, Р. Калфаоглу и А. С. Бурова);

2) исследование формирования национальной идентичности и патриотизма в странах ближнего и дальнего зарубежья (выступления А. В. Абрамова, Е. Ф. Сергазина, Б. А. Габдулиной, А. Э. Джанаевой, Ш. Цзянины и К. Чжуёнг);

3) рассмотрение процесса крушения общегражданской идентичности и формирования национального самосознания в условиях кризиса: изучение опыта Югославии в период распада страны и гуманитарной интервенции Запада (выступление А. М. Костиной).

Капицын В. М.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ РОССИИ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЗАПАДНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

Для современного российского политолога важно показать политико-психологическую онтологию стигматизации как средства, фрагментирующего национальную идентичность. Процесс стигматизации разделим на такие составляющие, как внешняя и внутренняя. С 2014 г. внешняя антироссийская стигматизация ужесточилась. Б. Обама в 2014 г. на 69-й сессии Генассамблеи ООН поставил Россию в один ряд с такими глобальными угрозами, как вспышка лихорадки Эбола и терроризм¹. Внутренняя стигматизация – сознательно направляемые действия и стихийные процессы, вызывающие у граждан осуждение своей государственной власти и соотечественников, которые эту власть поддерживают, «государевых людей» – полиции, госслужащих, военных, членов их семей.

¹ Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА Новости: [сайт]. [24.09.2014]. URL: <https://ria.ru/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 12.10.2022).

Опасен «резонанс» воздействий внешней и внутренней стигматизации. Это – «крайняя» стадия стигматизации, означающая состояние романтично-утопической восторженности относительно лозунгов перемен, ориентирующих на западные ценности и «блага», оправдывающие смену власти ради «быстрых» демократических перемен. Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, усиливает негативные контридентичности с их настроением на отчуждение от власти, позволяет разрушать национальную идентичность и переводить общество в крайнее состояние стигматизации. Негативные контридентичности приобретают радикальную политико-психологическую направленность по мере их умножения и ужесточения, ведут к социальному «взрыву». Они находят объединяющую идейную платформу и противостоят государственной власти и поддерживающей её части общества.

С этой целью активно применяется, в том числе, негативирующая *политика памяти и историческая политика*. Часть элит, особенно в республиках, нуждаясь в поддержке своих позиций, способствовала быстрому конструированию контридентичностей, подкрепляемых политизацией псевдоисторических мифов, противопоставляемых общей идентичности многонационального государства. Расширились практики забвения, деконструкция смыслов исторических образов и понятий, а затем их «пересборка» для стигматизации нежелательного прошлого. В. Винокуров отмечает, что большинство из опрошенных в зарубежных странах главными победителями нацистов считает американцев, а британцы – и вовсе только себя. Ответы по странам выглядят так: в Великобритании считают победителями: британцев – 50% опрошенных, русских – 13%, американцев – 9%; в США: американцев – 47%, русских – 12%, британцев – 9%; во Франции: американцев – 56%, русских – 15%, британцев – 11%; в Германии: американцев – 34%, русских – 22%, британцев – 7% опрошенных².

Крайняя степень стигматизации как политико-психологическое состояние означает, что сознание граждан деморализуется: снижаются самооценки людей и чувство национального достоинства, третируются собственная культура, история и особенно отечественный патриотизм; стигма направляется против своего собственного опыта, своей веры или убеждений, истории и идеологии страны. Влияния таких контридентичностей, объединённых идейной платформой радикальной оппозиции, в СССР, ряде социалистических стран оказалось достаточным, чтобы парализовать власть, армию, правоохранителей, мобилизовать население на неподчинение властям. Это – состояние мотивационной катастрофы элит и обывателей, «фетишизация»

² Винокуров В. Провалы в памяти приводят к войне против памятников // Независимое военное обозрение: [сайт]. [29.09.2022]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-09-29/7_1208_monument.html (дата обращения: 29.09.2022).

символов других государств и культивирование комплекса «собственной неполноценности».

Для исследования процесса перехода к крайней степени стигматизации продуктивен анализ стигматизированных пресуппозиций, которые «оказывают наибольшее влияние на аудиторию в медийном дискурсе» в качестве «средства противопоставления категорий “свой” – “чужой”, где “чужие” зачастую описываются при помощи стигм, обращающихся к негативным пресуппозициям в сознании субъекта манипуляции...». Манипулятивный дискурс выявлен в популярных СМИ (The Guardian, The Times, CNBC, BBC, CNN, YouTube, Medium), он «навязывает ложные представления об объекте, или добавляет к этому объекту нерелевантные атрибуты, или имплицитно ложную пресуппозицию» [27, р. 70]. Переход к крайней ступени стигматизации характеризуется выделением в качестве негативного объекта отечественного патриотизма, образа военных и правоохранителей, партий, организаций, сограждан, поддерживающих правящую власть.

Для ивент-анализа данной ступени стигматизации важны такие события (процессы), как объявление «гласности» и Съезд народных депутатов СССР. Маркерами является также отношение к историческим памятникам и предпрятиям-флагманам. В республиках СССР советский патриотизм стал основным объектом атаки «перестроечных» негативных контриденитичностей. Руководство и часть населения постсоветских стран и стран Восточной Европы пришли к очернению советского периода, Великой Отечественной войны, социалистического строительства. Националистические контриденитичности находят выход в ненависти к России.

Западу его жёсткая стигматизация России необходима для обоснования консолидации на сдерживании России, уменьшения числа тех, кто симпатизирует России, легитимации санкционной политики и расходов на вооружение, маргинализации военных и правоохранителей, получения нелиберальных средств гибридной войны, защищающих либерализм с ожесточением, будто это религия, соединения «несоединимого» – демократии, оправдания нацизма и терроризма.

Кокурина О. Ю.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В своей речи, посвящённой зарождению российской государственности, В. В. Путин в Великом Новгороде (сентябрь 2022 г.) заявил: «За 1160 лет мы твёрдо усвоили, что для России смертельно опасно даже на время ослабить свой суверенитет, отказаться от национальных интересов»³.

Идея национального (государственного) суверенитета не является общечеловеческой ценностью; сегодня многие государства обходятся без него. Однако для России национальный суверенитет имеет первостепенную самоценность и в широком смысле понимается как целостность, самоуправление, самовоспроизводство государства и социокультурных ценностей, способность государственной власти самостоятельно принимать и проводить в жизнь решения, исходящие из приоритета стратегических и текущих интересов страны и многонационального российского народа.

В Конституции России 1993 г. определение «суверенитета» не сформулировано, но в ст.ст. 3 и 4 установлено, что носителем суверенитета РФ, распространяющегося на всю территорию страны, является её многонациональный народ. Согласно принятой поправке 2020 г. ст. 67 Конституции РФ дополнена частью 2.1: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия ..., направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

В той или иной степени фактические проявления государственного суверенитета наличествуют у нашей страны на протяжении 1000-летней истории. Выделяют исторические типы государственного суверенитета России:

1. Военно-феодальный суверенитет (IX–XII вв.);
2. «Раздробленный» суверенитет (XII–XIV вв.);
3. Феодално-монархический (вторая половина XIV – первая половина XVI в.);
4. Боярский (аристократический) (середина XVI – середина XVII вв.);
5. Абсолютистский (имперский) (вторая половина XVII – XIX вв.);
6. Советский (1918–1991);
7. Либерально-буржуазный (1991 – н. в.) [4].

³ Владимир Путин выступил на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности // Президент России: [сайт]. [21.09.2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397> (дата обращения: 12.10.2022).

В последние годы Россия стала ориентироваться на государственный суверенитет имперского типа.

В социальных науках сущность понятия «государственность» остаётся неясной. На основе системно-органического представления государства [15] уместно обратиться к телеологическому подходу Аристотеля, базирующемуся на 4 основных принципах (факторах, причинах) их бытия, определяющих статику и динамику каждого целостного организма. В этом контексте природу «государственности» можно соотнести с аристотелевой энтелехией, или осуществлённостью, включающей 4 каузальных основания (фактора) – этиона:

1. источник первоначала изменения, или первое движущее действие;
2. состав, из наличия чего возникает действие или его материя, субстанция;
3. структура, первообраз действия, его форма (эйдос);
4. цель (телос), завершённости, «совершенство» действия.

Определённый шаг в организмическом представлении «государственности» сделан в 1968 г. Дж. Неттлом в его статье, где им выделены 4 существенных момента природы этого сложного феномена, обозначаемого терминами «statehood» и «stateness». Хотя этот автор не исходил из тетрады аристотелевых причин-этионов энтелехии, его трактовка включает следующие важные аспекты: набор функций и структур, обеспечивающих властвование в государстве; статусность, принадлежность к международному сонму государств; самостоятельность и автономность государства по отношению к иным социальным проявлениям; социокультурную рамку государства в отношении соответствующего народа, нации. Трактовка «stateness» (состоятельность) дана С. Бартолини в иных 4 аспектах (внешняя консолидация территории; организационные возможности мобилизации ресурсов; регуляция государством социально-экономической сферы; поддержание внутреннего порядка) [23, р. 69–71, 90–95].

Значительное продвижение представляет интегральная формула государственности М. В. Ильина, консолидирующая ключевые факторы в структуре аристотелевой тетрады: фактор движущий (статусность государства – включённость в международное сообщество государств: statehood); материальный (состоятельность государства – способность и возможность выполнять свои главные функции: stateness); формальный (идеальный) – идея государства (народа, нации); целевой – автономность (самодостаточность, самостоятельность) государства [8].

Мы же полагаем, что движущим фактором государственности является наличие действенной государственной власти, имеющей возможности и способности (политическую волю) к её проявлению. В свою очередь, формальный (идеальный) фактор государственности образует статусность государства (внешний аспект) и его национально-государственную идею (внутренний аспект). Материальный фактор – система управления, государственный

аппарат, институты и ресурсы государства, их функциональная достаточность и эффективность при реализации общенациональных целей и задач. Конечный целевой фактор – суверенитет государства. Выделенные сущностные факторы, логически связанные друг с другом структуры аристотелевой энтелехии в своей совокупности образуют целенаправленную целостность, способную функционировать, развиваться и эволюционировать как социально-политический организм. Причём культурно-исторические и духовно-ценностные константы России, на которых базируется её национально-государственная идея (идеология), выступают как императив исторической преемственности ключевых параметров традиций общенациональной государственности, культурного кода русской цивилизации. Отсюда, опираясь на учение Гегеля «О сущности», дадим определение государственного (национального) суверенитета: фактический (реальный) суверенитет – конечная цель и основание (условие) сохранения и развития государственности в политически организованном сообществе.

Общественные изменения социума и государства воплощаются в жизнь, историческое бытие благодаря консолидации 4 этиологических причин: материальной, формальной, действующей и целевой. В. В. Ильин и А. С. Ахиезер подчёркивают: «Нет ничего опаснее и нелепее стремления навязывать народу государственную форму, не соответствующую его историческому бытию» [7]. Полноценное культурно-историческое развитие Российского государства невозможно без обретения им полного и фактического суверенитета имперского типа.

Калфаоглу Рабия,

*Университет имени Реджепа Тайипа Эрдогана
53100, г. Риза, Турецкая республика*

АРКТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Арктика – это территория, представление о которой наряду с другими пространствами, объективными и субъективными условиями и факторами формирует национальную идентичность России. В этом процессе значительную роль играют такие моменты, как владение значительной частью региона, численность россиян, составляющих более половины населения Арктики, возможности, определяемые энергетическими ресурсами и торговым маршрутом, а также открытость территории для научных исследований. Арктический регион имеет свою особенность в силу удалённости, но Россия сумела обеспечить его связь с остальной частью страны. Региональная идентичность, присущая жителям региона, является неотъемлемым наследием и одной из основ развития будущего России.

Значение Арктики для России изменилось, если говорить об истории и современности. В советский период к этому макрорегиону не всегда проявлялся должный интерес из-за удалённости и сложных погодных условий; он больше использовался в военном и стратегическом планах. С окончанием холодной войны был период некоторого ослабления военного, политического и идеологического противостояния между Россией и Западом. Стало больше возможностей возвращения Москвы к активной мирной повестке. Россия ратифицировала Морскую конвенцию 1982 г. в 1997 г., а четыре года спустя подала в ООН свою первую заявку на расширение арктического континентального шельфа и отстаивает эту претензию. С 2000-х гг. начато переосмысление возможностей арктического макрорегиона. Этому способствовало формирование новых приоритетов российской арктической политики [9].

Политические цели России в отношении региона были продемонстрированы путём установки российского флага на дне Северного Ледовитого океана (в районе Северного полюса) во время экспедиции «Арктика – 2007», руководимой известным полярником А. Чилингаровым. После этой экспедиции макрорегион стал привлекать больше внимания других государств, которые строят свою политику арктической региональной идентичности. С 2008 г. по настоящее время Россия также усиливает свою политику идентичности в регионе и пытается защитить свои позиции в Арктике, чему способствуют заявка на арктический континентальный шельф, использование энергетических ресурсов, освоение Северного морского пути (далее – СМП), улучшение экологии, улучшение жизни коренных народов, расширение сотрудничества. Арктика, сохраняющая военное значение, по сравнению с периодом холодной войны превратилась в макрорегион с растущим международным энергетическим и транспортно-логистическим значением.

На долю Арктики, например, приходится около 80% запасов природного газа и 25% нефти от всех разведанных общероссийских ресурсов. По имеющимся данным, в регионе сосредоточено до 11% национального дохода России и создаётся 22% общего объёма общероссийского экспорта. Кроме того, СМП имеет для России стратегическое значение; продолжение обустройства этого маршрута призвано сыграть большую роль. Значимость СМП заметно возросла после выступления Президента России с ежегодным Посланием Федеральному Собранию в 2018 г., когда В. В. Путин сообщил, что к 2024 г. планируется увеличить объём грузооборота СМП до 80 млн т в год⁴. Для этого в первую очередь необходимо осуществить комплексное развитие транспортной инфраструктуры.

Хозяйственная деятельность, рост промышленности и использование природных ресурсов влияют на природу Арктики, здоровье её жителей, их

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. [01.03.2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 20.05.2018).

жизнедеятельность и культуру. Важно уменьшить негативное воздействие такой деятельности на условия жизни коренных малочисленных народов. По этой причине в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» большое значение придаётся необходимости «сохранения исконных мест обитания коренных народов и их традиционного образа жизни». Были определены приоритетные задачи по сохранению и распространению культурного наследия Российской Арктики, развитию системы образования, развитию культуры, спорта и т. д.

Таким образом, необходимо отметить, что российская региональная идентичность в Арктике формируется под воздействием уникальной природной среды, значения полезных ископаемых, геополитики, самобытности коренных народов Севера и тех, кто исторически развивает его промышленность и транспортную инфраструктуру. Чтобы сохранить эту уникальную социальную общность как одну из основ формирования национальной идентичности России, необходима политика, опирающаяся на баланс между освоением ресурсов макрорегиона и сохранением уникальных особенностей его экосистемы, включая традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера [13].

Шапаров А. Е.,

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, Российская Федерация;*

Бхагват Джавахар Вишну,

*Университет Мумбаи
400098, г. Мумбаи, Республика Индия*

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ КАК МОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ В АРКТИКЕ

Арктика имеет особое значение для национальной идентичности России как морской державы. За этим стоят многовековые усилия русского народа по выходу к северным морям и Ледовитому океану, хозяйственному освоению пространств Арктики. Всё это влекло на Север русских пассионариев – новгородцев, которым приходилось продвигаться на тысячи километров сквозь тайгу и заполярную тундру. Поморы – этнографическая группа русского народа, «...которая приобрела ярко выраженное культурное своеобразие и специфическое локальное самосознание...» [18, с. 475]. Поморы, живущие морским промыслом, вставшие перед необходимостью полярного мореплавания, сумели создать особый тип судна, пригодного для плавания во льдах, – поморские кочи. Судно имело яйцевидную форму, особую обшивку – «ледовую шубу-коцу», дающую не раздавить корабль льдами, а только выжимать его на поверхность. Поморские кочи длиной до 20 м (вмещали до

30 чел.) перетаскивались по земле волоком. Уникальная конструкция позволила русским мореходам совершать регулярные морские и речные экспедиции в пространстве Арктики протяжённостью сотни и тысячи километров, пройти Северным морским путём и выйти в Тихий океан, освоив к XVII в. гигантские территории Сибири и Дальнего Востока. Создание коча, способного совершать плавание во льдах, – вклад российской цивилизации в мировое кораблестроение. В XX в. СССР освоил производство ледоколов; атомный вариант был впервые в мире создан в СССР в 1959 г. для круглогодичной навигации на Северном морском пути.

Но не только технические новации были условием успешного освоения русским народом арктического пространства. Поморы выработали свой особый тип самобытной культуры, организации социума и ведения экономической деятельности. Поморский психотип сложился на основе воздействия суровой природы, православной веры, поддержки старообрядчества, обычаев финно-угорских народов, отсутствия крепостного права на Севере.

Специфика такой хозяйственной деятельности состоит в чрезвычайно высоких рисках и необходимости создания экономических организаций, позволяющих хеджировать эти риски. Современной мировой экономике известен такой институт – акционерное общество. Одними из первых такой тип институтов создали венецианцы. Это была коммента (commenda). По мнению Д. Аджемоглу, институт комменды стал основой успешного экономического развития и роста богатства Венеции [1, с. 210]. Русские поморы выработали особый институт: артель-ватагу – объединение на основе участия трудом или капиталом.

Присоединяя жизненно необходимое пространство, русская цивилизация вступала во взаимодействие с северными первопроходцами – коренными народами Арктики, – не навязывая им своей веры, языка и норм поведения. Ненасильственный характер русской колонизации подчёркивается многими отечественными учёными – М. В. Ломоносовым, В. О. Ключевским, Б. А. Рыбаковым, В. Н. Булатовым, Т. А. Бернштам, Ю. Ф. Лукиным.

Со времён классиков geopolitics Х. Д. Маккиндера, А. Т. Мэхэна, К. Хаусхофера, Р. Челлена, Н. Спайкмена утвердилось разделение цивилизаций на талассократии и теллуократии, а империй – на морские и континентальные. По нашему мнению, эта схема не учитывает внутренней дифференциации цивилизаций, их региональной специфики, прежде всего крупных в пространственном отношении цивилизаций. Большинство таких цивилизаций не могло обойтись без выхода к морям и океанам в хозяйственной и военной сферах. Внутри цивилизаций, например, в России, можно видеть регионы, не обладавшие значительными земельными ресурсами. Как следствие, их мужскому населению в своём большинстве суждено было заниматься рыболовством и торговым мореходством.

Талассократия или теллурократия присущи не только странам, но и субрегионам. Талассократические и теллурократические специализации коренятся прежде всего в форме хозяйственной деятельности, экономической специализации, торговле и коммуникациях; их мы можем наблюдать и внутри стран, внутри одного народа. Но морская или земледельческая специализации не ограничиваются лишь хозяйственной деятельностью, а простираются на весь жизненный уклад, накладывают отпечаток на культуру, язык и быт населения, формируя его уникальную идентичность. Категория «месторазвитие», введённая представителями евразийства П. Н. Савицким и Л. Н. Гумилёвым, отражает взаимодействие общества и ландшафта, помогает глубже понять дифференциацию цивилизаций, заимствование культурных практик и своеобразие жизненных укладов народов, осваивающих новые пространства. Вклад русских поморов в освоение сурового пространства Арктики, которую знаменитый исследователь Ф. Нансен назвал «страной ледяного ужаса», доказывает, что российская цивилизация не вмещается в узкие рамки разделения на талассократические или теллурократические народы.

В условиях нарастающего обострения международных противоречий и кризисов значение национальной идентичности, исторической преемственности, смыслов и практик, легитимизирующих притязания народов на свои территории, со временем будет только усиливаться. Россия за свою многовековую историю прочно (в ментальном, хозяйственном, технологическом, научном, культурном и военном отношениях) утвердилась в Арктике. Патриотизм россиян, готовность защищать свою Родину не нуждаются в доказательствах. Наша страна занимает около 60% территории Арктики; более половины населения мировой Арктики – это жители России. Любые современные попытки строить международные отношения без учёта позиции России и её национальных интересов, которые мы наблюдаем в настоящее время (приостановка участия России в деятельности Арктического совета в марте 2022 г.), обречены на провал.

Буров А. С.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация*

КОНТЕКСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Представители экспертного и научного сообществ озабочены активизацией *технологий политической дестабилизации, эксплуатирующих национальный контекст* в субрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они, в частности, направлены на системную деструктивную мутацию этнонацио-

нальной идентичности коренных малочисленных народов России, разжигание национализма, экстремизма, сепаратизма, что ослабляет общероссийскую гражданскую идентичность.

Данная проблематика получила дополнительную актуальность в связи с эскалацией военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения СВО на Украине. Текущая геополитическая конфронтация катализировала деструктивное внешнее влияние на Россию и активизировала антироссийские движения на национальной основе, которые объединены *политтехнологией* «деколонизации России».

Проблематика национальной идентичности имеет в России фундаментальный характер. Так, к одной из основных целей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. относится укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства российской нации. Дезинтеграционные концепты в отношении России по национальному признаку стали появляться в статьях западных политологов одновременно с распадом Советского Союза. Среди наиболее ярких идеологов применения «деколонизационного» подхода к России – представители фонда «Jamestown foundation», а также М. Кейси⁵. После начала СВО активно продвигается идея «деколонизации России». В качестве частных примеров стоит назвать эссе Б. Кассымбековой и Э. Марат «Время задать вопросы к российской имперской невинности»⁶, а также книгу Я. Бугайски «Несостоявшееся государство. Руководство к распаду России» [25].

До начала СВО основной целью реализации деструктивных политических технологий в борьбе с общероссийской гражданской идентичностью в среде коренных малочисленных народов являлась общая *каскадная политическая дестабилизация*. Продолжают формироваться негативные образы России как «тюрьмы народов», её «преступной колониальной политики», «варварской добычи полезных ископаемых» и пренебрежительного отношения к населению Севера. С началом СВО произошло колоссальное усиление внешнего и внутреннего дестабилизационных воздействий на Россию. Наиболее острым вопросом стала практика мобилизации среди коренных малочисленных народов Севера; в ответ последовали системно реализованные и хорошо спланированные акции протеста.

В качестве наиболее ярких примеров дестабилизационной деятельности в интернет-пространстве стоит отметить соответствующую активность в

⁵ Casey M. Decolonize Russia // The Atlantic: [сайт]. [27.05.2022]. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428> (дата обращения: 18.09.2022); Casey M. Russia's Crimes of Colonialism // WSJ. Wall Street Journal: [сайт]. [09.08.2022]. URL: <https://www.wsj.com/articles/russias-crimes-of-colonialism-putin-ukraine-war-empire-eurasia-lavrov-africa-soviet-union-11660076835> (дата обращения: 18.09.2022).

⁶ Kassymbekova B., Marat E. Time to Question Russia's Imperial Innocence // Ponars center: [сайт]. URL: <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence> (дата обращения: 25.09.2022).

социальных сетях и мессенджерах. В частности, наиболее активный оппозиционный Telegram-канал «Форум Свободных Народов ПостРоссии» открыто призывает «всех представителей коренных народов и “колониальных регионов” к сопротивлению, саботажу имперских приказов, ... помогать землякам уклоняться от участия в боевых действиях, формировать отряды национальной самообороны, избегать мобилизации, уклоняться от призыва, уничтожать документацию в военкоматах, а в случае призыва сдаваться в плен ВСУ и помогать делать это другим...»⁷.

В России остаётся повышенной опасность внешней политической обработки национального контекста с использованием технологий «деколонизации», что создаёт дополнительные угрозы российской государственности. Всё это требует от профильных ведомств, экспертов и учёных подробного изучения и эффективного политтехнологического противодействия.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Кризис, а затем распад Советского Союза стимулировали национальное и государственное строительство в республиках бывшего СССР. Составными частями этого процесса стали формирование (конструирование) национальной идентичности и формирование патриотизма. Данные процессы взаимосвязаны, но не тождественны друг другу.

Патриотизм – это прежде всего рефлексия и деятельность, обращённые к Отечеству (т. е. к политической системе, к государству). Исчезновение государства означает и исчезновение патриотизма: дававшие присягу воины не могут защищать то, чего нет; работники, трудившиеся на благо страны, не могут работать на того, кого нет. С национальной идентичностью иначе. Она представляет собой отождествление гражданина с определённой социальной общностью, коренится в групповом и индивидуальном сознании. В то время как с крушением СССР полностью исчез советский патриотизм, некоторые бывшие граждане Советского Союза, ставшие теперь гражданами новых независимых государств, сохраняли советскую идентичность, по-прежнему называя себя «советскими людьми». Некоторые продолжают так называть себя и сегодня [16, с. 153].

⁷ Обращение Форума Свободных Народов ПостРоссии ко всем народам и регионам нынешней Российской Федерации // Форум Свободных Народов ПостРоссии. Telegram-канал: [сайт]. [22.09.2022]. URL: <https://t.me/freenationsrussia/1080> (дата обращения: 11.10.2022).

В процессе формирования нового патриотизма и национальной идентичности в постсоветских государствах наблюдается немало общего. Прежде всего речь идёт о формировании:

- представлений о *единой истории* страны и народа (включая исторические нарративы, хронотопы, памятные даты и т. п.);
- представлений о *едином государстве* (включая территориальный, гражданско-правовой аспекты);
- представлений о *языке и моделях межэтнических отношений* (в том случае, если в стране проживают несколько этнических или этнолингвистических общностей).

Исходной точкой формирования постсоветских идентичностей стал советский опыт национального и государственного строительства, сопровождавшийся конституционным утверждением о возникновении новой исторической общности «советского человека» – строителя социализма и коммунизма. Указанную модель, впрочем, неверно было бы отождествлять с моделью «плавильного котла» (как это определяют некоторые исследователи), поскольку она не предполагала забвения национальных культур. Напротив, развитие национальных языков, литературы, истории стимулировалось руководством СССР. Символическим выражением этой двойственности стал герб СССР, где идеологическая фраза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» была продублирована на языках всех 15 республик СССР. Таким образом, противоречивый характер советской идентичности предопределил формирование национальных идентичностей в позднесоветское и постсоветское время.

Используя названные выше критерии измерения национальной идентичности и патриотизма, рассмотрим несколько постсоветских кейсов, дающих представление о процессах, происходивших в разных зонах постсоветского пространства.

Наиболее выпуклое представление о процессах, происходивших в странах Балтии, даёт *Латвия*. Ядром её идентичности стал исторический нарратив о «советской оккупации» 1940–1991 гг. Его воплощением в области исторической политики стали открытие музеев оккупации, отождествление СССР с нацистской Германией, учреждение дня скорби 23 августа (день подписания пакта Молотова-Риббентропа, который якобы стал началом Второй мировой войны). Путь развития современной Латвии определяется её политиками как «возвращение в Европу», из которой страну – якобы – насильственно вырвал СССР в середине XX в. [11, с. 149]. В связи с последним обстоятельством Латвийское государство считает себя наследником республики 1918–1939 гг., а граждане современной Латвии подразделены на потомков коренных жителей страны и потомков оккупантов (последние получили паспорта и статус «неграждан»). Апелляции к довоенной истории привели Латвийское государство к территориальным претензиям в адрес России. До

2007 г. Латвия требовала передачи ей Пыталовского района Псковской области, входившего в 1920–1945 гг. в республику по Рижскому договору. Наконец, в области языковой и этнической политики была реализована система мер, направленных на маргинализацию русского языка, вытеснение его из делопроизводства, публичной сферы, образования и т. п. Говоря о национальной политике Латвии, мы, по сути, имеем дело с мерами по ассимиляции русских, стремлению подавить их историческую самобытность, язык и культуру и внедрить моноэтническую идентичность и национализм под видом патриотизма.

Попытка реализовать такую же модель национального и государственного строительства была предпринята и *Грузией*, относящейся к закавказской постсоветской зоне. В области исторической политики мы наблюдаем тот же тезис о «советской оккупации», сопровождающийся открытием соответствующих музеев и центров, демонтажем памятников советским солдатам, введением в школьные учебники раздела «Грузины во Второй мировой войне» вместо параграфов о Великой Отечественной войне и т. п. [17]. Так же, как и в Латвии, наблюдается обращение к Грузинской демократической республике, существовавшей в 1918–1921 гг. (заимствованы её герб и флаг). Но не только! По мнению грузинских идеологов, связи страны с Европой восходят к глубокой древности. В качестве доказательства приводится древнегреческая легенда о путешествии аргонавтов в Колхиду. Таким образом, значимым компонентом национальной идентичности выступает тезис об особой грузинской цивилизации, древнейшей из всех мировых цивилизаций [11, с. 149]. В области национальных отношений грузинским руководством начала 1990-х гг., так же как и Прибалтикой, был взят курс на ассимиляцию других этнических групп. Но проводимая первым Президентом Грузии З. Гамсахурдией политика депортации и лишения негрузин автономии привела к печальным последствиям для грузинской государственности. Не принявшие ни исторического нарратива, ни антисоветской модели идентичности, ни новой «национальной политики» Абхазия и Южная Осетия «с боем» вышли из состава Грузии. Утрата территорий болезненно сказалась на национальном самосознании грузин и продолжает оставаться острой темой для всех поколений грузинских политиков. Таким образом, на примере Грузии мы также видим реализацию модели формирования моноэтнической идентичности и этнонационализма как патриотизма, но результаты реализации такой политики являются более противоречивыми.

Особое место на постсоветском пространстве занимают страны Центральной Азии. Формирование национальной идентичности и патриотизма в этих странах осложняют отсутствие у бывших центральноазиатских республик опыта существования в форме государств, а также клановый характер обществ. Указанные проблемы предопределили, например, довольно длительный «инкубационный период» формирования идентичности и патриотизма.

тизма в *Туркменистане*. На протяжении 1990-х гг. политическая элита страны пребывала в растерянности, воспроизводя советский опыт (однопартийная система, статус русского языка как языка межнационального общения до 1996 г. и т. п.). Лишь в 2001 г. первый Президент Туркмении С. Ниязов решился обнародовать свою доктрину в виде книги «Рухнама» («Книга души»). В ней сообщалось о древности туркменского народа, родоначальником которого был объявлен мифический Огуз-хан, живший 5 тыс. лет назад. Древние туркмены создали колесо, повозку, первыми начали выплавлять металлы и изобрели тюркский алфавит. Однако в силу внутреннего разлада и деятельности врагов утратили независимость. В этом контексте восстановление государственности туркменов, произошедшее стараниями Ниязова, объявлялось величайшим достижением, а сам президент определялся как Туркменбаши (отец нации, отец всех туркмен) – основная фигура политической системы страны [14, с. 123]. Обязательное изучение «Рухнамы» в школах и университетах продолжалось до самой смерти Ниязова и было отменено новым Президентом Туркмении. Таким образом, сегодня дело формирования национальной идентичности туркмен (как указано в Рухнаме, «нации племён») поставлено на паузу, что, впрочем, не мешает исследователям определять национальный курс Туркменистана как «трайбализм вместо национализма» [6].

Наконец, восточноевропейская зона постсоветского пространства даёт нам ещё один пример формирования идентичности и патриотизма – пример *Беларуси*. Любопытно, что в начале 1990-х гг. в Белоруссии под влиянием немногочисленных, но энергичных демократов и националистов предпринимались попытки формирования новой идентичности. Днём независимости было объявлено 27 июля (дата принятия в 1990 г. Декларации о суверенитете БССР), гербом и флагом – «погоня», и бело-красно-белое полотнище – символами Великого княжества Литовского. Государственным языком был объявлен белорусский [3]. Однако к середине 1990-х гг. стало очевидно отторжение обществом навязываемой модели идентичности и патриотизма. Избранный президентом А. Г. Лукашенко инициировал в 1995 г. референдум о символике и языке, по итогам которого большинство граждан проголосовало за возвращение несколько модернизированной советской символики и русского языка как государственного. Празднование Дня независимости было перенесено на 3 июля (освобождение Минска от немецко-фашистских захватчиков). Вместе с тем сохранение белорусского языка, акцент в преподавании истории на Полоцкое княжество свидетельствуют не об отказе Беларуси от собственной идентичности, а о попытке реализовать модель этнической, государственной и исторической мозаичности. Всё это в известной степени сближает белорусскую модель с российской.

Проведённый краткий и с неизбежностью фрагментарный обзор постсоветских кейсов формирования патриотизма и национальной идентичности позволяет, тем не менее, лучше понять процессы, происходящие в Рос-

сии, учесть сделанные соседями ошибки. Знания о путях и формах формирования патриотизма и идентичности позволяют также понять причину агрессивности отдельных соседей России, без чего невозможно начать выработку «лекарств» против постсоветского национализма и шовинизма.

Сергазин Е. Ф., Габдулина Б. А.,

*Евразийский Национальный университет имени Л. Н. Гумилёва
010008, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2, Республика Казахстан*

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 1990-х гг. общими ценностями народа Казахстана стали свободный выбор собственной судьбы, сопричастность к строительству нового государства, совместная ответственность за судьбу страны и будущих поколений граждан. Казахстанцам традиционно присущ высокий уровень толерантности по отношению к образу жизни, обычаям, мнениям, верованиям представителей всех этносов, конфессий, социальных групп. Глубоко укоренились почитание старших, уважение к семье, традиции гостеприимства.

Доктрина Национального единства Казахстана гласит: «Республика Казахстан – единственный правовой и исторический наследник многовековой государственности казахского народа и естественным продолжением его политического и государственного устройства. Казахстан принимает все меры по охране своей независимости и укреплению национальной государственности»⁸. Цель Доктрины – определение приоритетов и механизмов обеспечения национального единства на основе гражданской идентичности, патриотизма, духовно-культурной общности, сохранения стабильности, межэтнического и межконфессионального согласия в обществе.

Для достижения поставленной в Доктрине цели усилия государства и общества концентрируются на решении *основных задач*: укреплении общекazahстанской идентичности, поддержке консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества; формировании эффективной системы взаимодействия госорганов и гражданского общества в сфере межэтнических, межконфессиональных отношений; развитии государственного языка как фактора единения народа Казахстана; содействии сохранению этнокультурной, языковой самобытности казахстанских этносов; противодействию экстремизму и радикализму, недопущению ущемления прав и свобод человека и гражданина.

В условиях глобализации попытки отстоять свою идентичность могут сталкиваться с аналогичными попытками других государств. В «*битве иден-*

⁸ Доктрина Национального единства Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=4;-107#pos=4;-107 (дата обращения: 11.09.2022).

тичности» выигрывают те, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности растворяются в процессах глобализации.

Последствия глобализации противоречивы. Возникают невиданные ранее возможности для развития различных стран, но вместе с тем и новые, крайне опасные вызовы и угрозы. Глобализация, делая прозрачными границы, ставит под вопрос роль национальной составляющей идентичности. Но, способствуя сближению и интеграции различных общностей, она усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведёт к росту цивилизационного самосознания, углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации» [21, с. 35].

В условиях *информационной открытости* мира, повсеместной доступности СМИ появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов отдельным индивидам и национальным сообществам. В национальном государстве культурное ядро подменяется глобальными символами. Подъём национализма во всём мире оказывается ответом на вызовы культурного глобализма через утверждение этнической идентичности. Для общества, решающего модернизационные задачи, национально-цивилизационное самоопределение остаётся решающим фактором, определяющим модель развития и в конечном итоге успешность национальной модернизации. Успешная модернизация затрагивает идентификационные коды нации. Более того, она основана на адаптивной трансформации этих кодов, и это – одна из основных (а, возможно, и главных) проблем модернизации. В. Г. Федотова отмечает, что «процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм, который требует определённого изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности» [20, с. 91].

С учётом всех этих факторов особую роль играет *межнациональное согласие многонационального Казахстана*. Институциональным символом согласия выступает Ассамблея народа Казахстана. В 2008 г. были сформулированы пять основных принципов казахстанской модели межэтнической толерантности:

- 1) единство народа;
- 2) важнейшие ценности нации – толерантность и ответственность;
- 3) консолидирующая роль государствообразующего этноса;
- 4) этническое, конфессиональное, культурное, языковое многообразие;
- 5) создание государством условий для развития культуры и языков.

Ассамблея иллюстрирует политику в отношении национальных меньшинств, направленную на сохранение их этнических и культурных особенно-

стей, а также культурной идентичности этносов, объединяемых общегражданской идентичностью. Последняя выступает как надстройка над различными этническими группами.

Важная составляющая гражданского национализма – формирование *идентичности сообщества-нации*. Гражданский национализм подразумевает самоидентификацию индивида с национальным государством, которая в его системе оказалась бы доминирующей и включала в себя этническую, территориальную, социальную идентичности. Конструирование такого национализма и общегражданской идентичности определяется государственной политикой, образованием, медиа, творчеством интеллектуальных элит, интеллигенции и развитием культуры.

Межнациональный мир и согласие – совокупность базовых установок, подходов и ориентиров политики государства в межэтнической сфере. В основе такой политики лежат принципы: равенство прав человека и гражданина независимо от расы, этнической принадлежности, религии, социальной группы; запрет любых форм ограничения прав граждан по данным признакам; пресечение деятельности, возбуждающей социальную, расовую, национальную и религиозную рознь; уважение к государственному языку; право каждого гражданина определять свою национальную, религиозную принадлежность; унитарность и неделимость территории Казахстана; защита прав и интересов её граждан за пределами государства; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении и развитии родного языка, культуры и традиций, укреплении связей с исторической Родиной.

Джанаева А. Э.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КНР

Китай превращается в общество, где патриотическое воспитание занимает приоритетное место. Реформы в области воспитания и образования начались в 1980-х гг. Как отмечает Лю Цзэ, это стало возможным благодаря тому, что КПК взяла курс на ликвидацию безграмотности населения [12]. Со второй половины 1970-х гг. китайское общество приступило к становлению системы патриотического воспитания на основе конфуцианской концепции семьи и страны.

Дальнейшее развитие патриотизм получает в 1990-х гг., когда перед китайским государством актуализируется задача развития науки и образо-

вания, подготовки грамотных и талантливых специалистов, воспитанных в русле китайской педагогики. Образование становится обязательным до девятого класса, а школа – всесторонне направленной. Уделяется внимание и высшему образованию. С 1994 г. контроль над воспитательно-образовательной политикой переходит к ЦК КПК.

В 2000-х гг. происходит новый виток развития воспитательной политики в КНР. В политической повестке – идеи Дэн Сяопина о службе своей Родине, и население на них охотно отзывается. «Срастаются» идейно-политическое и патриотическое воспитание: с 2001 г. становятся обязательными школьные церемонии по понедельникам с торжественным поднятием флага; третьи субботы сентября объявляются Днём патриотического и оборонного воспитания, вводится обязательная дисциплина «Национальная оборона».

Все нововведения получили соответствующее закрепление в законодательстве страны. В Конституции КНР патриотизму отведено первое место среди гражданских добродетелей. Закон об образовании от 1995 г. называет патриотизмом ведущим качеством любого китайца⁹. Позднее в Законе о высшем образовании от 1999 г. установлено, что студентам высших учебных заведений нужно придерживаться патриотизма в первую очередь, в соответствии с законом и общественными нормами [22].

Два последних закона особенно делают акцент на патриотическом воспитании. Причиной этому послужила неэффективность мер, принятых до 1990-х гг. Школьная система была недостаточно адаптирована для патриотической подготовки, учителя не имели опыта и специальных пособий, содержательная часть была разрозненной и сложной для восприятия. Отсутствие постоянной коммуникация между семьёй и школой. Распространялись антиправительственные настроения среди молодёжи, произошли события 4 июня 1989 г. (восстание на площади Тяньаньмэнь).

ЦК КПК инициировал новую патриотическую кампанию, распространив её на все уровни образовательной системы. В 1994 г. был выпущен основополагающий документ – «План осуществления патриотического воспитания», ставший отправной точкой для воспитания китайского патриотизма, сейчас известного всему миру. План включал два важнейших раздела: 1) китайская история и национальные традиции; 2) национальное единство и территориальная целостность. Так КПК и правительство формировали «китаецентризм» как особенность мировоззрения, сквозь призму которого китайские граждане рассматривают всё, что происходит в мире и вокруг, воспитывается уважение к своей Родине и всем её жителям. В 2012 г. Председатель КНР

⁹ Закон КНР об образовании // Бизнес в Китае: [сайт]. URL: <https://asia-business.ru/law/law3/education> (дата обращения: 20.09.2022).

Си Цзиньпин обратился к нации и указал на необходимость продолжения патриотического воспитания как ключа к «возрождению китайской нации»¹⁰.

В 2017 г. принят закон о патриотизме в учебных заведениях, устанавливающий, что каждый школьник должен наизусть знать текст государственного гимна, его правильное исполнение и историю создания¹¹. Исследователь Ван Сюан показал, что руководство КНР держит на особом контроле любые проблемы образовательного и воспитательного характера для всех социальных групп населения [5].

Система гражданско-патриотического воспитания в КНР представляет собой непрерывный процесс на всех уровнях, от дошкольных заведений до университетов. Патриотизм формируется на уровне личности, общества и даже идеологии, что позволяет народу Китая приблизиться к осуществлению его заветной мечты – «возрождению великой нации».

Шао Цзянина,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ИДЕЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Тенденции политической многополярности, экономической глобализации, культурного разнообразия и модернизации в современном мире стали необратимыми. Но *обостряется много общих проблем*: продовольственное обеспечение, дефицит энергоресурсов, изменение климата, рост населения, загрязнение окружающей среды, биоугрозы, трансграничная преступность. В то же время сформировался глобальный набор ценностей, идентичностей, направленных на адаптацию к общим вызовам.

23 марта 2013 г. Председатель Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью под названием «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете»¹². В этой речи указано, что *идея развития единой судьбы человечества* представляется в трёх аспектах: 1) изложение основных черт глобальных проблем; 2) характеристика особенностей экономического развития регионов и крупных стран; 3) прогноз будущего регионального и глобального экономического развития.

В конце сентября 2015 г. Си Цзиньпин выступил в ходе дебатов 70-й Генассамблеи ООН с речью «Совместное формирование новых партнёрских

¹⁰ Национальная идея Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/812> (дата обращения: 22.09.2022).

¹¹ Новый закон о патриотическом воспитании вступил в силу в КНР // Рамблер: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/other/38110719novyyzakonopatrioticheskompvospitanii-vstupil-v-silu-vknr> (дата обращения: 26.09.2022).

¹² Выступление Си Цзиньпина в МГИМО // Ruggiero: [сайт]. [20.04.2020]. URL: <https://www.ruggiero.ru/vystuplenie-si-czinpina-v-mgimo-predsdatel-knr-si-czinpin> (дата обращения: 27.09.2022).

отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы», где впервые чётко сформулировал идею создания сообщества единой судьбы *в пяти областях*: глобальное партнёрство, всеобщая, совместная и устойчивая безопасность, экономическое развитие, межцивилизационные обмены, экологическое развитие¹³.

18 октября 2017 г. Си Цзиньпин в своём выступлении на 19-м Национальном конгрессе предложил придерживаться гармоничного развития, одновременно способствуя построению сообщества единой судьбы человечества и продвижению реформы управления мировой экономикой. 24 октября 2017 г. в новой редакции Устава КПК было отмечено, что *формирование идентичности китайского народа является главной задачей партии*, а продвижение создания сообщества единой судьбы человечества – основной концепцией дипломатии Китая¹⁴.

В докладе 19-го Всекитайского съезда КПК *основной смысл идеи* сообщества единой судьбы человечества раскрывается более глубоко, обсуждаются:

1. переопределение нынешней глобальной ситуации в мире;
2. переопределение нынешней ситуации и международных отношений, чтобы в ходе дальнейшей экономической глобализации все страны постепенно образовали такое сообщество;

3. общая цель будущего глобального, регионального и мирового экономического развития – создание нового глобального экономического партнёрства, когда все стороны объединят усилия и будут вместе решать проблемы человечества, выстраивая прочный мир всеобщей безопасности, процветания, открытости, инклюзивности, чистоты и красоты.

25 октября 2022 г. Си Цзиньпин в докладе на 20-м съезде КПК подчеркнул, что создание сообщества единой судьбы человечества – это перспектива устойчивого развития всех народов мира. Китай всегда придерживался внешнеполитических целей поддержания мира во всём мире и содействия общему развитию. Развитие Гонконга, ориентируясь на такую концепцию, реализует «правление патриотов» для совершенствования судебной и правовой системы.

Содействие построению сообщества единой судьбы человечества – это «китайское решение», позитивная практика дипломатии великой державы, имеющей особые характеристики: приверженность построению международного партнёрства нового типа, идеал искренности и толерантности в дипломатии соседства, стратегию искренней и дружественной работы с Африкой, стратегическую инициативу «Пояс и Путь». Вспышки эпидемии корона-

¹³ Совместное формирование новых партнёрских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/201512/t20151201_857923.html (дата обращения: 16.09.2022).

¹⁴ 19-й съезд КПК [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 24.09.2022).

вируса показывают, что ряд стран мира осознаёт культурную идентичность и духовную силу народа Китая.

После тысячелетней истории китайская нация сформировала свою национальную идентичность. Судьбы китайского общества и сообщества единой судьбы человечества тесно связаны. Укрепление китайской национальной идентичности – важный элемент в построении сообщества единой судьбы человечества. Связывая «китайскую национальную идентичность» с «сообществом единой судьбы человечества», Китай показывает значение своей духовной силы для всемирного развития.

Ким Чжуёнг,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЕ

Как показывают исследования, посвящённые освобождению Кореи от Японии, межкорейской войне, плюрализации, индустриализации, на Корейском полуострове наблюдается различие национальной и этнической идентичностей. В процессе глобализации значимость этнических элементов в национальной идентичности снижается из-за контактов с другими странами, конкуренции, иммиграции. На полуострове шло раздвоение национальной идентичности, хотя этническая идентичность оставалась общей, как это было в моноэтнической стране (одна корейская этничность, но два национальных государства).

Основа идентичности корейцев сформировалась в географическом и историческом пространствах единой нации, где национальная идентичность совпадала с этнической. Исторический опыт древних народов Корейского полуострова, включая войны с Китаем, Монголией и Японией, закреплял представление о том, что корейцы были отдельной нацией, отличающейся географически (море – на юге, а горы – на севере). В период японской колонизации корейские историки и философы ввели концепцию единой нации на основе корейской национальной идентичности.

Межкорейская гражданская война стала событием, когда единая нация раскололась из-за идеологических различий; нация была физически разделена, что определило и раскол общей национальной идентичности. Триггерами такого раскола стали следующие институты и процессы.

Конституция. После разделения в конституциях обеих государств указывалась цель восстановления единого национального государства, но закреплялось идейное размежевание. В течение более 70 лет общая национальная и этническая идентичности разошлись, особенно в сознании молодого поколения, считающего северокорейцев и южнокорейцев людьми

одной этнической идентичности, но разных наций (государств). Ослабевает стремление восстановить единое национальное государство.

Антикоммунизм. После войны правительство Южной Кореи предприняло усилия по созданию новой национальной идентичности на основе антикоммунизма, патриотизма и национализма. Элиты Южной Кореи определили коммунизм как угрозу выживанию Республики. Людей, имевших отношение к коммунизму и вытекающим из него идеям, называли «Пал-Ган-и» (уничужительное слово), идентифицировали как «зло». Первый президент Ли Сын Ман и другие лидеры военно-диктаторских режимов Пак Чон Хи, Чон Ду Хван пытались объединить народ посредством общенациональной антикоммунистической кампании. С этой целью северокорейский режим был определён в конституции как марионеточное правительство. В педагогике и этике закреплёны антикоммунистические идеи, коммунизм изображался как приоритет идей над семьёй и друзьями. Новая национальная идентичность «справедливой Кореи» идеологически основывалась на либеральной демократии.

Демократизация. Многочисленные граждане и оппозиционные политики в Южной Корее сопротивлялись военной диктатуре и добились институциональной демократизации в 1990-е гг. На этом историческом фоне безусловный патриотизм стал менее важным для национальной идентичности. Но, с другой стороны, появились факторы национальной гордости за технологические достижения корейцев, на фоне чего усиливалась и гордость южнокорейца за историю корейского народа.

Национализм / патриотизм. Национализм и патриотизм тесно связаны с антикоммунизмом лояльностью государству и проведением государственной экономической политики. Экономическое развитие было важно для соревнования с Северной Кореей, но во имя этого нарушались трудовые права и права человека. Вместе с помощью США это помогло Южной Корее быстро провести индустриализацию, в том числе за счёт сильной эксплуатации труда.

Глобализация. Глобализация связана с продвижением Кореи в мире и притоком мигрантов. Как выявили исследования, национальная идентичность южнокорейцев укрепляется через восприятие соседних стран и отношения с иммигрантами. Такие исследования в Корее проводятся каждые 5 лет с 2005 по 2020 гг. В частности, актуальна тема степени поликультурности общества. Хотя отношение к иностранцам и другим этническим группам улучшилось, эксклюзия относительно них оставалась высокой. Несмотря на то, что корейцы считают вклад иммигрантов в развитие корейского общества недостаточным, тем не менее признают их равные права в обществе и право конкурировать за рабочие места. Это более выражено у молодого поколения и является более значительным институциональным и правовым фактором, чем этническая составляющая национальной идентичности. Чем

моложе поколение, тем более дифференцированы национальная идентичность и этническая идентичность.

Но значение этничности для национальной идентичности не исчезло. Согласно исследованию 2017 г. корейцы продолжают оценивать иммигрантов в зависимости от этнических групп и более терпимы к мигрантам из Северной Кореи, нежели к другим этносам [26]. Хотя в исследовании с участием южнокорейских студентов в 2020 г. последние отвечали в интервью, что считают нацию более важной, чем этничность, выяснилось, что латентно этническая идентичность оказалась важнее [24].

Однако во многих исследованиях отношения переменных, влияющих на восприятие корейцами национальной и этнической идентичностей, гораздо сложнее и разнообразнее. Студенты положительно относились к иммигрантам из США, демонстрировали к ним инклюзивное отношение, но также демонстрировали позитивное отношение к этнической группе китайцев и северокорейцев. Учёные выявили, что международные события, экономические кризисы и проблемы безопасности сыграли в этом не последнюю роль. Даже в течение короткого времени национальная идентичность может меняться в зависимости от отношений с другими странами.

Таким образом, идентичность корейцев возникла из исторической идентичности государства Корейского полуострова, но в результате Корейской войны, демократизации и глобализации национальная идентичность и этничность стали различаться. Южнокорейцы демонстрируют уважение к корейским законам и институтам, гордость за национальные достижения, что является важным фактором национальной идентичности, а не этнической. Но этничность по-прежнему важна для всех поколений в отношениях с соседними странами и мигрантами. Кан Вон Тхэк отметил сформированность уникальной национальной идентичности [28], укрепление национализма граждан Республики Кореи. И тенденция эта усиливается.

Костина А. М.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ

Тема национальной идентичности актуализируется в периоды общественных изменений, когда индивид и общество, стараясь преодолеть неопределённость, начинают поиски новой идентичности или реконструкцию уже существующей. Таким триггером для нации может стать *гуманитарная интервенция*. Пример – Югославия: распад государства, обострение противоречий этносов, Боснийский и Косовский кризисы, интервенция НАТО.

Этническим большинством в Югославии были сербы, чья национальная самобытность сформировалась к XX в. в результате длительных социально-исторических процессов. Но было несколько культурно-исторических центров, повлиявших на полицентричность культурного развития [2], что определило фрагментарность балканского народа вплоть до создания Югославии (1918 г.). Наибольшая часть сербов была объединена под началом молодого государства, которое включало в себя также другие славянские и неславянские народы и конфессиональные общины.

В процессе распада этого государства происходит фрагментация общей югославской идентичности, возвращение к усилению идентичностей отдельных народностей. Регионы Югославии активизируют борьбу за создание независимых национальных государств. Преобладающий в общей югославской идентичности принцип коммунистического интернационализма приглушал значение этнического сходства и различия южнославянских народов. После распада Югославии в этнонациональных общинах происходили возвращение более ранних символических атрибутов идентичности, забытых праздников, мифов и легенд, политизация этничности, обращение к национальным героям и известным сражениям доюгославского периода.

На этом фоне формируются разновекторные политические движения и политические партии. Наибольшую популярность и признание среди них имели те, которые выдвигали националистические и сепаратистские программы, проводили масштабные информационные кампании против президента С. Милошевича. Его оценка в обществе была довольно противоречивой: и как героя, противостоящего НАТО, и как диктатора, обвиняемого во всех проблемах государства [19]. Так, отмена им автономии Косова вызвала сильный протест косовских албанцев, ожидавших, что международное регулирование кризиса в Югославии решит и косовский вопрос. Но Дейтонское соглашение регулировало конфликт между боснийцами, хорватами и сербами, а косовский вопрос не затрагивало [10]. Армия освобождения Косова вступила в ожесточённую борьбу с сербской армией и получила поддержку НАТО.

Основанная в большей степени на коммунистической идеологии, общенациональная идентичность Югославии не стала прочным основанием для объединения южнославянских народов на территории одного государства, т. к. недооценивала этническое сходство / различие, что использовали внутривосточные и внешние силы, активизировавшие рост национализма в Сербии, Косово, Хорватии.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблем изучения процессов национального строительства, формирования патриотизма и национальной идентичности в современной России, странах ближнего и дальнего зарубежья, а также рассмотрение процесса крушения общегражданской идентичности и формирования национального самосознания в условиях кризиса и гуманитарной интервенции Запада, выполненный экспертами из российских и зарубежных университетов, позволяет сформулировать главный вывод. В условиях кризиса однополярной модели глобализации вопросы национальной идентичности, патриотизма, суверенитета страны, места государства в системе современных международных отношений вновь обрели высокую актуальность. Дополнительными факторами, сделавшими указанные проблемы востребованными сегодня в нашей стране, являются Специальная военная операция России на Украине и реализация Западом так называемой "культуры отмены" в отношении народов Российской Федерации.

Новые вызовы и угрозы перевели анализ проблем государственного суверенитета, устойчивого функционирования независимого государства, национальной идентичности и патриотизма из теоретической плоскости в практическую. Не будет преувеличением сказать, что сегодня ответ на вопрос о том, кто мы, является жизненно необходимым в нашем Отечестве.

Думается, что опубликованные материалы будут иметь существенное теоретическое и практическое значение в деле обеспечения суверенитета России и других государств, сохранения и развития национальной идентичности и патриотического воспитания граждан в условиях воздействия деструктивных социально-политических технологий, а предложенные экспертами выводы и рекомендации будут способствовать решению актуальных политических, образовательных и воспитательных задач, в первую очередь, в России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2018. 672 с.
2. Базич Й. Р. Реконструкция сербской национальной идентичности в XX веке // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 16–24. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2.

3. Бикетова Е. А., Чернышов Ю. Г. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 94–103.
4. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: ИНФРА-М, 2020. 128 с.
5. Ван Сюань. Подготовка будущего учителя к работе по патриотическому воспитанию учащихся в КНР: дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. 171 с.
6. Васильева О. В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 4. С. 200–206.
7. Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
8. Ильин М. В. Формула государственности // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2008. № 3. С. 67–78.
9. Кибенко В. А. Моделирование процессов формирования региональной идентичности населения Арктического региона Российской Федерации // *Социодинамика*. 2018. № 3. С. 1–15.
10. Колот Б. Векторы политики США на Балканах в 1990-е гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2020. № 6. С. 102–115.
11. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // *Мир России*. 2016. Т. 25. № 2. С. 144–167.
12. Лю Цзэ. Патриотическое воспитание обучающихся средствами вокального искусства в современной общеобразовательной школе КНР: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2022. 221 с.
13. Назукина М. В. Образы российской Арктики в официальном дискурсе: поиск основания для макрорегиональной идентичности // *Арктика и Север*. 2013. № 11. С. 39–49.
14. Небратенко Г. Г., Ларина О. Г. Доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности Сапармурата Ниязова // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 118–126.
15. Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
16. Попова О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1. С. 143–157.
17. Рцхиладзе Г. В. Память о Великой Отечественной войне в современной Грузии // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3. № 5. С. 409–414.
18. Садохин А. П. Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КноРус, 2017. 750 с.
19. Тимофеев А. Ю. Югославия-2000: технология и тактика «экспресс-революций». Часть 1. Технология свержения С. Милошевича // *Обозреватель*. 2016. № 4. С. 26–37.
20. Федотова В. Г. Модернизация и глобализация // *Мегатренды мирового развития* / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001. С. 83–93.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.

22. Чжу Сяомань. Россия – Китай: Образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ. М.: РАО, 2007. 591 с.
23. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. New York: Oxford University Press, 2005. 444 p.
24. Jaewuk Jung, Ju Hyung Huh, Jinkyung Na. What Makes Someone a Korean: Comparing Koreans Explicit and Implicit Attitude on National and Ethnic Identity // Korean Journal of Social and Personality Psychology. 2020. № 34. P. 73–94.
25. Janusz Bugajski. Failed State: A Guide to Russia's Rupture. Washington: The Jamestown Foundation, 2022. 450 p.
26. Kwang-il Yoon. Political Psychology on Korean National Identity // Culture and Politics. 2017. № 4. P. 5–41.
27. Radyuk A. V., Devyatnikova K. G. Critical discourse analysis of stigmatized presuppositions in mass media // Issues of Applied Linguistics. 2021. Iss. 42. P. 67–88. DOI: 10.25076/vpl.42.03.
28. Won Taek Kang. Korean Identity // EAI Working Paper. 2020. № 168. P. 1–21.

REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty (Rus. ed.: Litvinov D., Mironov P., Sanovich S., transl. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ., 2018. 672 p.).
2. Bazich J. R. [Reconstruction of Serbian national identity in the 20th century]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2019, vol. 5, no. 3, pp. 16–24. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2
3. Biketova E. A., Chernyshov Yu. G. [Nation-building of the Republic of Belarus and European component in Belarusian identity]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 1, pp. 94–103.
4. Bredikhin A. L. *Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 128 p.
5. Van Sjuan. *Podgotovka budushchego uchitelya k rabote po patrioticheskomu vospitaniyu uchashchikhsya v KNR: dis. ... kand. ped. nauk* [Preparation of the future teacher for work on the patriotic education of students in the PRC: Cand. Sci. thesis in Pedagogical Sciences]. Moscow, 2022. 171 p.
6. Vasileva O. V. [Political Elites of Turkmenistan and the Problems of National Identity]. In: *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4, pp. 200–206.
7. Ilyin V. V., Akhiezer A. S. *Rossiyskaja gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy* [Russian statehood: origins, traditions, prospects]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1997. 384 p.
8. Ilyin M. V. [The formula of statehood]. In: *Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast* [Politeia], 2008, no. 3, pp. 67–78.

9. Kibenko V. A. [Modelling of the processes of regional identity establishment among the population of Arctic region of the Russian Federation]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2018, no. 3, pp. 1–15.
10. Kolot B. [Vectors of the US policy in the Balkans in the 1990s]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2020, no. 6, pp. 102–115.
11. Letnyakov D. E. [Nation-Building: Identity Politics in Post-Soviet States]. In: *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2016, vol. 25, no. 2, pp. 144–167.
12. Lju Cze. *Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchikhsya sredstvami vokal'nogo iskusstva v sovremennoi obshcheobrazovatel'noi shkole KNR: dis. ... kand. ped. nauk* [Patriotic education of students by means of vocal art in the modern general education school of the PRC: Cand. Sci. thesis in Pedagogical Sciences]. Volgograd, 2022. 221 p.
13. Nazukina M. V. [Images of the Russian Arctic in the official dispute: the research for the explanation for the macro regional identity]. In: *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 11, pp. 39–49.
14. Nebratenko G. G., Larina O. G. [The doctrine of the revival of post-Soviet Turkmen statehood by Saparmurat Niyazov]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, no. 12, pp. 118–126.
15. Parsons T. On social systems (Rus. ed.: Chesnokova V. F., Belanovskii S. A., eds. *O sotsial'nykh sistemakh*. Akademicheskii Proekt Publ., 2002. 832 p.).
16. Popova O. V. [Specific features of political identity in Russia and in European countries]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 1, pp. 143–157.
17. Rtskhiladze G. V. [The memory of the Great Patriotic War in modern Georgia]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2020, vol. 3, no. 5, pp. 409–414.
18. Sadokhin A. P. *Narody Severa Rossii: obychai, tradicii, kul'tura* [Peoples of the North of Russia: customs, traditions, culture]. Moscow, KnoRus Publ., 2017. 750 p.
19. Timofeev A. Yu. [Yugoslavia-2000: Technology and tactics of the «quick revolutions». Part 1. Technology of overthrowing S. I. Milosevic]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2016, no. 4, pp. 26–37.
20. Fedotova V. G. [Modernization and globalization]. In: Ilyin M. V., Inozemtsev V. L., eds. *Megatrends of global development* [Megatrends of world development]. Moscow, Ekonomika Publ., 2001, pp. 83–93.
21. Huntington S. The Clash of Civilizations (Rus. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., trans. *Stolknovenie civilizacij*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
22. Chzhu Sjaoman'. *Rossija – Kitaj: Obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX–XXI vv.: sravnitel'nyj analiz* [Russia – China: Educational reforms at the turn of the XX–XXI centuries: comparative analysis]. Moscow, RAO Publ., 2007. 591 p.
23. Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. New York, Oxford University Press, 2005. 444 p.

24. Jaewuk Jung, Ju Hyung Huh, Jinkyung Na. What Makes Someone a Korean: Comparing Koreans Explicit and Implicit Attitude on National and Ethnic Identity. In: *Korean Journal of Social and Personality Psychology*, 2020, no. 34, pp. 73–94.
25. Janusz Bugajski. Failed State: A Guide to Russia's Rupture. Washington, The Jamestown Foundation, 2022. 450 p.
26. Kwang-il Yoon. Political Psychology on Korean National Identity. In: *Culture and Politics*, 2017, no. 4, pp. 5–41.
27. Radyuk A. V., Devyatnikova K. G. Critical discourse analysis of stigmatized presuppositions in mass media. In: *Issues of Applied Linguistics*, 2021, iss. 42, pp. 67–88. DOI: 10.25076/vpl.42.03.
28. Won Taek Kang. Korean Identity. In: *EAI Working Paper*, 2020, no. 168, pp. 1–21.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.11.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; главный редактор электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета»; e-mail: abram-off@mail.ru

Буров Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН); e-mail: aleksandrburuv94@gmail.com

Бхагват Джавахар Вишну – доктор политологии, доцент Университета Мумбаи (Республика Индия); e-mail: jawahar71@mail.ru

Габдулина Багыш Ахметовна – кандидат исторических наук, профессор факультета журналистики и политологии Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан); e-mail: Gabdulina_ba@enu.kz

Джанаева Алтн Эрдниевна – редактор отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); специалист по учебно-методической работе кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: djanaeva-altn@ya.ru

Калфаоглу Рабия – кандидат политических наук, доцент Университета имени Реджепа Тайипа Эрдогана (Турецкая республика); e-mail: rabiakalfaoğlu@gmail.com

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: kapizin@yandex.ru

Ким Чжуён – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: humvee710@naver.com

Кокурина Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН); профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: kokurina@polit.msu.ru

Костина Анна Максимовна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: annkostina70@yandex.ru

Сергазин Ерболат Фаттахович – доктор политологии, доцент факультета журналистики и политологии Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан); e-mail: sergazin1958@mail.ru

Шiao Цзянина – аспирантка кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: hellonina08@gmail.com

Шапаров Александр Евгеньевич – доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: teledvina@rambler.ru

Andrey V. Abramov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the electronic online publication "Bulletin of the Moscow Region State University"; e-mail: abram-off@mail.ru

Alexander. S. Burov – Research Assistant, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: aleksandrbyurov94@gmail.com

Jawahar Vishnu Bhagwat – PhD (Political Sciences), Assoc. Prof., University of Mumbai (Republic of India); e-mail: jawahar71@mail.ru

Bagysh A. Gabdulina – Cand. Sci. (Historical Sciences), Prof., the Faculty of Journalism and Political Science, L. N. Gumilev Eurasian National University; e-mail: Gabdulina_ba@enu.kz

Altn E. Janaeva – Editor, Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; specialist in educational and methodological work, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: djanaeva-alt@ya.ru

Rabia Kalfaoglu – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Recep Tayyip Erdogan University (Republic of Turkey); e-mail: rabiakalfaoglu@gmail.com

Vladimir M. Kapitsyn – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kapizin@yandex.ru

Kim Chueng – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: humvee710@naver.com

Olga Yu. Kokurina – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kokurina@polit.msu.ru

Anna M. Kostina – Student, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: annkostina70@yandex.ru

Yerbolat F. Sergazin – PhD (Political Sciences), Assoc. Prof., the Faculty of Journalism and Political Science, L. N. Gumilev Eurasian National University; e-mail: sergazin1958@mail.ru

Shao Jianina – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: hellonina08@gmail.com

Alexander E. Shaparov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; e-mail: teledvina@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов / А. В. Абрамов, А. С. Буров, Бхагват Джавахар Вишну, Б. А. Габдулина, А. Э. Джанаева, Калфаоглу Рабия, В. М. Капицын, Ким Чжуён, О. Ю. Кокурина, А. М. Костина, Е. Ф. Сергазин, Шао Цзянина, А. Е. Шапаров // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, Gabdulina B. A., Janaeva A. E., Kalfaoglu Rabiya, Kapitsyn V. M., Kim Chueng, Kokurina O. Yu., Kostina A. M., Sergazin E. F., Shao Jianina, Shaparov A. E. National identity and patriotism in conditions of international crises. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru